

ПОСЛЕ НАЧАЛА

О творческой судьбе Инны Чуриковой

ЕСТЬ РОЛИ, написанные столь живым, свежим пером, что кажется даже — в них нет никакой преемственности; в поле зрения драматурга как бы попадает неисследованный еще человек, в котором все ново, неожиданно, и сыграть его невозможно, следуя общепринятым канонам. Собственно, и не представляешь в такой роли популярного актера. Думаешь: лучше всего его сыграет непрофессионал, человек сложной судьбы, скогоже темперамента; именно ему откроются все «тайные тайных» героя. Только где его найти — такого человека?

Думалось об этом и над сценарием известного драматурга Е. Габриловича и никому не известного в ту пору режиссера Г. Панфилова «История Тани Теткиной». В образе героини, самоубийной художницы, погибшей в гражданскую войну, как-то не удавалось представить ни одну актрису. И вдруг — решение: Таню сыграет начинающая актриса Инна Чурикова. Та самая смешная, нескладная девочка, которая под хохот зрителей рисовала «лошадь» в одном из эпизодов фильма «Я шагаю по Москве».

Это была сложная задача. Молодой, неопытной еще актрисе предстояло не просто показать человека особенного, незаурядного, отмеченного талантом. У сироты Тани открылся поразительный дар — играя карандашами и красками, легко и без малейших усилий она умела созидать причудливый живописный мир. И зритель должен был поверить в ее дарование — природное, счастливое. И он поверил в него. Фильм «В огне брода нет» можно с полным основанием назвать и фильмом Инны Чуриковой. Она, казалось, и была человеком одной души, одной доли со своим героем. Ясно было: роднит их талант, вроде бы даже неожиданный в этом юном существе, простодушно глядевшем на нас родниковой чистоты глазами. Эти глаза были удивительно красноречивы — в них отражался щедрый и праздничный мир художницы, и верилось, что рука ее за кадром ворожит и чудодействует.

Не каждый актер приходит к зрителью с определенной идеей. В чем заключаются истинные ценности человеческого существования? Инна Чурикова понимала: одна из таких ценностей — талант. И она взволнованно спешила подарить нам это открытие; не просто подарить, а в какой-то мере наделить и нас даром провидения, чтобы мы могли постигнуть все многообразие истоков таланта, ощутить всю многоликость его начал.

Второй фильм Е. Габриловича, Г. Панфилова и И. Чуриковой так и назывался — «Начало». В фильме шла речь о творческом начале, о тех свойствах, благодаря которым человек становится художником. Авторы интересовались не столько даже биография таланта, сколько сама его сущность. Высокая эмоциональность, богатое воображение, яркое восприятие обнаруживают себя во всех жизненных проявлениях — талант жаждет самоосуществления. Если же оно невозможно, свои художественные каноны творческая личность неизбежно переносит на обыденную действительность — так зачастую возникает противоречие между реальностью и мечтой.

Еще в первом их совместном фильме указывалось на это противоречие. Вспомните «роман» Тани с красноармейцем Алешкой. Чурикова сыграла нечто большее, чем трогательное чувство первой влюбленности: она показала ту самую алогичную страсть, которой подвержены натуры художественные. Конопатый Алешка, «дзволлив» любить себя, стал для Тани в некотором роде объектом творчества. Есть в фильме эпизод, в котором Таня с Алешкой забавляются игрой «кто ловчей дорисует». Дорисовывая кривую, проведенную Алешкой, Таня обнаруживает радостную фантазию, свободу и легкость. С той же мерой легкости и свободы «дорисовывает» она и самого Алешку.

Но если художественные каноны Тани Теткиной, перенесенные на действительность, не приводили к сколько-нибудь заметному конфликту (причину тому

ищите в высоком пафосе революционных лет), то в истории любви Паши Строгановой из фильма «Начало» поражает прежде всего контраст между воображаемым и реальным. К тому же Паша Строганова не то чтобы одареннее, а эмоционально богаче, свободнее, раскованнее Тани — иные нынче времена, иное окружение, и это понято и подчеркнуто актрисой. А чем выше эта эмоциональность, чем очевиднее внутренняя свобода, — тем острее столкновение с обыденностью, которая так часто оборачивается пошлостью. Предложение сыграть Жанну д'Арк последовало как нельзя кстати, в момент наивысшего взлета Пашиной фантазии, в момент отчаянного столкновения реальности и мечты. Встретившись с Жанной д'Арк, Паша обретает возможность по-настоящему творить, перевоплощаться, жить чужой жизнью, которая для нее большая реальность, нежели своя собственная. Чуриковой предстояло сыграть не только Пашу, но еще и Пашу в образе Жанны д'Арк. Эту Жанну можно принимать или не принимать, но нельзя не радоваться чуду перевоплощения, которое происходит буквально у нас на глазах. Актриса находит множество поразительных оттенков тех сочных красок, которыми она только что рисовала свою Пашу — пылкую, непосредственную, простодушную, — и рисует совсем иной образ — величественный и гордый. Паша Строганова живет на экране рядом с Жанной д'Арк вовсе не для того, чтобы сопоставить две сопоставимые личности, — чтобы донести до зрителя мысль о красоте и силе таланта. Мысль эта очевидна благодаря мастерству, такту и обаянию актрисы. Нет ничего прекрасней и созидательнее таланта, которому открыт мир, отпущено поле деятельности; и нет ничего опаснее, разрушительнее таланта подавленного, загнанного, не находящего выхода, таланта, вынужденного применяться к обстоятельствам, которые могут быть губительны для него.

...Кончаясь съемки, и приятная дама из актерского отдела приятным голосом разъясняет Паше, что делать ей на студии больше нечего. «Заявок» на нее нет, у нее очень «специфическая внешность» — надо ждать специально написанного сценария. «Что у вас там в кино — получите никого не нашлось?» — едва ли не виновато спрашивает Пашу Аркадий... Поругание таланта — что может быть горше? Пусть новая встреча с Пашей перевернула что-то в душе Аркадия, пусть премьера Жанны д'Арк имела успех, горечь эта остается. Станет ли актрисой Паша Строганова, осуществит ли свое жизненное предназначение? Ответа на этот вопрос фильм не дает.

ОТВЕТОМ на него, впрочем, могла бы стать сама творческая судьба Инны Чуриковой. Прежде чем получить роль Тани Теткиной, она тоже играла Бабу Ягу в Центральном детском театре. Режиссеру тоже пришлось отстаивать перед художественным советом ее кандидатуру. А в дальнейшем ей тоже пришлось ждать специально написанного сценария. И такой сценарий появился, не мог он не появиться. А за ним — другой; разумеется, будучи и еще сценаристом: писать для такой актрисы радость. В Московском театре имени Ленинского комсомола она сыграла несколько ролей, и каждая становилась своего рода открытием. Смело и неожиданно трактованы Чуриковой роли Неле, Офелии, Сарры в спектаклях «Тиль», «Гамлет» и «Иванов». Роли эти вобрали в себя весь ее творческий опыт, всю любовь к искусству. Они напомнили нам: каждый талантливый человек одарен по своему, он единственный в своем роде. Может быть, и не стоило лишний раз говорить об этом, если бы само искусство Инны Чуриковой не возвращало нас к этой истине. «Талант — чудо», — с тем и пришла когда-то на экран долговазая нескладная девочка. Пришла, чтобы сказать свое слово о человеке, которому дано видеть зорче, слышать острее, говорить проникновеннее, чем другим.

Талант многообразен. Сродни

ему и пламенное воодушевление, не побоимся сказать даже — пафос Лизы Уваровой, в прошлом тоже фабричной девчонки, потом известной спортсменки, председателя исполкома, «мэра» города. Елизавета Уварова из фильма «Прошу слова» — фигура настолько интересная и своеобразная, что о ней в пору писать особую. Но «особо» — не значит обособив, ибо какими-то незримыми нитями она связана и с Таней Теткиной, и с Пашей Строгановой. Страстность натуры, самозабвенность, способность к отдаче у них общая. Страстность наша, российская, та самая, с которой и в огонь, и в воду, и наперерез скакуну. Общая и готовность поступиться собой ради своего назначения. Елизавета Уварова видит его в том, чтобы служить людям. «Служить обществу» — старый, добрый и тоже наш, российский, завет, идущий из глубины веков, из дали поколений — от отца к сыну, от деда к внуку: сколько прекрасных людей — учителей, врачей, земских деятелей ему следовали. Актриса и на этот раз тонко чувствует сложность талантливой натуры. При этом она словно бы и не принимает во внимание, что кому-то Лиза покажется даже нелепой. Актриса не боится преувеличений — да, ее Уварова порой смешна, но это ни сколько не снижает пафоса образа. Авторская ирония — она бывает и доброй — не мешает нам разглядеть человека чистого, искреннего, трепетного, незаурядного во всех отношениях.

УДИВИТЕЛЬНО сильно передает Чурикова тот свет, которым светится все существо этой женщины, — свет убежденной веры в добро, в труд, в справедливость. В социальную справедливость — это точнее. Наперекор узкому практицизму. Первым «оппонентом» ее выступает опять-таки близкий человек — муж. Как это было с Таней и Алешкой, Пашей и Аркадием. В отношении Лизы к мужу — все то же творческий восторг, самозабвенность художника — она творит, выдумывает. Но Лиза Уварова старше Тани и Паши, старше, опытнее и строже. Мало-помалу — этот процесс тонко прослежен — ей открывается ограниченность, фанфаронство ее избранника, который, впрочем, не перестает быть любимым. Только любовь эта все больше напоминает материнскую привязанность — словно бы в семье у Лизы прибавился еще один ребенок, самый избалованный и упрямый. Елизавета Уварова бесконечно терпелива и вместе с тем бесконечно нетерпима. Она порывиста, но должна все время обуздывать себя. Внутренний накал и внешнее спокойствие — такую особенность своей героини Чурикова неоднократно подчеркивает и обыгрывает. Это спокойствие нелегко дается Уваровой (слишком уж импульсивна и непосредственна она от природы) — в нем есть что-то от спокойствия паруса, полного ветра, который оттого-то и кажется спокойным, что неудержимо рвется вперед.

Примечательно, что во всех трех названных картинах творческое содружество Глеба Панфилова и Инны Чуриковой необычайно гармонично. Во внешности актрисы, в ее манере решительно нет ничего «показного». А вместе с тем она не может не «показаться» — привлечь, похвалить. В чем тут секрет — в чисто русской характерности или в чем-то другом, судить не берусь. Но так или иначе, именно такая исполнительница нужна была режиссеру, который предлагает зрителю распознать художественную натуру исподволь. Открытие таланта — вот она тема Панфилова и Чуриковой.

Станет ли не станет актрисой Паша Строганова, построит ли не построит новый город Елизавета Уварова? Планы могут не осуществиться — осуществилась личность, осуществилась непреходящая мечта о человеке-творце. Гибнет художница Таня Теткина, но бессмертна сила, которая выводит из народа все новых и новых умельцев, мастеров, художников. Об этом говорят нам героини Инны Чуриковой. Об этом говорит и ее талант — яркий, оптимистический.

Л. ЯГУНКОВА.